

ДЭНИЕЛ ДРЕЗНЕР

«БЕСПОЛЕЗНЫЕ САНКЦИИ ЛИШАЮТ СИЛЫ САНКЦИИ НЕОБХОДИМЫЕ...»*

Дэниэл Дрезнер — один из наиболее заметных специалистов-международников в Соединённых Штатах, совещающих серьёзные академические исследования и активное участие в общественной дискуссии по вопросам внешней политики. Он преподаёт в Школе Флетчера (старейшем американском центре подготовки профессионалов в области дипломатии и международного права), сотрудничает с вашингтонским Институтом Брукингса, ведёт колонку в газете Washington Post. На протяжении трёх последних десятилетий его труды вносят весомый вклад в объяснение роли экономических инструментов во внешней политике государств и в осмысление эволюции глобального экономического порядка. Его прежний профессиональный опыт связан с Университетом Колорадо и Чикагским университетом, Министерством финансов США, Фондом Джорджа Маршалла, Корпорацией РЭНД. Дэниэл Дрезнер — автор семи книг, а также множества статей, посвящённых проблемам международной политической экономики, государственной стратегии, эволюции экспертного сообщества.

В мае 2018 г. Дэниэл Дрезнер приехал в Москву в рамках совместного проекта

МГИМО и Школы Флетчера, посвящённого современному состоянию российско-американских отношений. Шеф-редактор журнала «Международные процессы» Игорь Истомин встретился с ним и обсудил актуальные тенденции развития международной политической экономики, роль санкций во внешней политике и состояние интеллектуального дискурса в США.

И.И.: Профессор Дрезнер, значительная часть Ваших исследований связана со сферой международной политической экономики, которая остаётся относительно экзотической субдисциплиной для значительной части российского сообщества международных политиков. Не могли бы Вы рассказать, как выбрали эту специализацию и каков Ваш подход к ней?

Д.Д.: Думаю, что всё началось в аспирантуре, когда я получил учёную степень не в сфере политических наук, а по экономике. Я интересовался экономическими исследованиями, однако меня удручало, что специалисты в этой области практически никогда не обсуждают политические факторы. Они в каком-то смысле предполагают, что правила игры уже установлены

---

* В подготовке материала принимал участие А. Евгеньев.

и что никакие усилия по изменению этих правил не предпринимаются.

В результате, когда я был в Стэнфорде, то переключился на политические исследования, поскольку считал безрассудным игнорирование неэкономического контекста. Мне кажется, меня всегда привлекали взаимосвязи между политикой и экономикой. В этой связи я задавал себе вопросы о том, какие политические факторы приводят к таким последствиям, как либерализация торговли или же торговый протекционизм, или, например, о том, почему доллар стал резервной валютой и почему он может утратить эту роль. Мне всегда казалось, что пересечение экономической и политической наук – замечательная ниша для учёного. В первую очередь, речь шла о некоем посредничестве между представителями двух дисциплин, поскольку в тот момент, когда я начинал свою карьеру, политологи не всегда хорошо разбирались в экономике.

Другая причина заключается в том, что во взаимодействии между экономистами и политологами возникают трудности. Экономисты не любят обсуждать категорию власти. Большинство специалистов, работающих в США и притягивающихся неоклассической теории, как правило, исходят из того, что в мире существует идеальная конкуренция, которая, в свою очередь, означает, что ни один экономический субъект не способен влиять на уровень рыночных цен. А политологи, с другой стороны, не любят обсуждать экономику и зачастую стесняются экономистов. Когда я принял решение написать исследование по проблематике санкций, мне казалось, что с учётом имевшейся профессиональной подготовки эта тема идеально мне подходит.

И.И.: Значительная часть литературы по международной политике, которую читают и используют в образовательном процессе в России, принадлежит к тому периоду, когда Вы выбрали свою специализацию. Как бы Вы оценили развитие этого направления на протяжении двух последних десятилетий?

Д.Д.: На мой взгляд, можно выделить два важных тренда последних десятилетий, а прямо сейчас мы наблюдаем период потрясений в международной политике.

Первый заключается в том, что с начала 1990-х годов исследователи концентрировались на анализе того, что можно назвать «открытой политэкономией», или «политикой открытой экономики». В то время как в теории международных отношений шли «великие дебаты» между представителями реализма, либерализма и конструктивизма, многие специалисты в области политэкономии утверждали, что на самом деле нам необходимо разрабатывать микрооснования теории наподобие тех, что существуют в микроэкономике. Следуя этой логике, важно начинать с изучения основных групп влияния и мотивов их поведения, а затем рассматривать институты, обеспечивающие достижение того или иного равновесия. А затем, основываясь на этом, можно определять, к чему стремятся государства, и моделировать поведение глобальной политэкономии.

Исследования в области «открытой политэкономии» обладали определёнными достоинствами, и в этом направлении была проделана очень неплохая работа, однако мне всегда казалось, что одна из проблем этой парадигмы заключается в том, что она принимает многие вещи как данность. Помимо всего прочего, она принимала как данность отношения США и Германии, существование «вашингтонского консенсуса», а также то, что на макроуровне не произойдёт системных потрясений. Таким образом, проблема «открытой политэкономии» заключается в том, что она не могла предсказать что-то вроде финансового кризиса 2008 года, поскольку он являлся последствием существования самой системы, а потому и не заинтересовал специалистов, работающих в этом направлении.

Второй тренд касается политических наук в целом, но он также затронул и международную политэкономия. Он представлял собой методологический сдвиг в сторону экспериментальных исследований, которые стали применяться в большей сте-

пени, чем какие-либо другие (будь то изучение отдельных казусов или статистический анализ). Политологи стали ставить эксперименты посредством проведения опросов и изменения формулировок в них с целью узнать реакцию людей, а также в некоторых случаях путём непосредственного проведения экспериментов, как, например, для того чтобы выяснить, будут ли офшорные финансовые центры выполнять требования по борьбе с отмыванием денег.

Ещё раз повторюсь: вся работа, проделанная в этом направлении, была чрезвычайно плодотворной и позволила достигнуть интересных выводов. Однако проблема с экспериментальными методами заключается в том, что с их помощью можно проверить лишь простые гипотезы, но не более того. В силу природы того, что мы изучаем, мы не обладаем ресурсами для того, чтобы проводить эксперименты, которые хотелось бы проводить.

Мне кажется, что не только финансовый кризис 2008 года, но и политическая реакция на него, к которой относятся выход Великобритании из ЕС, избрание Д. Трампа на пост президента США, возвышение Китая, бросили вызов недавно возникшим теоретическим и эмпирическим трендам. В какой-то мере международная политэкономия находится в состоянии непрерывных перемен. И так было всегда: наука следует за изменениями, происходящими в реальном мире. Сегодняшние изменения в реальном мире значительны, и мы наблюдаем возобновление полемики по поводу того, существует ли до сих пор либеральный миропорядок, исчезнет ли он и если исчезнет, то как мы об этом узнаем.

И.И.: *Возможно, сейчас неплохое время для того, чтобы стать специалистом в области международной политэкономии?*

Д.Д.: Да. Я всегда считал, что международные отношения как наука — контрциклическая сфера деятельности. Это означает, что если в мире всё плохо, то у специалистов-международников — всё хорошо, поскольку мир оказывается чрезвычайно

интересным объектом для исследований. В 2008 г. я понял, что ситуация становится всё интереснее, когда мой брат, который тогда работал в сфере финансов, начал звонить мне и спрашивать, что происходит. В то время как обычно с подобными вопросами к нему обращался я. То, что происходило тогда, не поддавалось объяснению в рамках строго финансово-экономического анализа.

И.И.: *В своих книгах и статьях Вы осветили широкий круг вопросов, Вы писали о санкциях, о международных институтах, а также, если брать шире, о государственном управлении и внешней политике, о «рынке идей». Не думаете ли Вы, что разнообразие исследовательских интересов порождает какие-либо издержки?*

Д.Д.: Мне нравится быть генералистом. В некоторой степени для исследователя есть два пути: либо быть генералистом, либо становиться специалистом, который сосредоточивается на одной сфере и знает о ней всё. И я не думаю, что один из них лучше другого. Мне кажется, что это два разных стиля и вида научной деятельности.

Для меня дело заключалось в том, что моя первая книга была посвящена проблематике санкций и мне нравилось изучать эту тему. Однако в то время, когда я писал о санкциях, в академической среде они не рассматривались в качестве перспективного предмета исследований. Сейчас это звучит забавно, но тогда, двадцать лет назад, всё было иначе.

В результате я решил, что хочу реализовать новый проект, который никак не будет связан с темой санкций, что привело к написанию книги «Любая политика глобальна» (*All Politics Is Global*), посвящённой глобальному экономическому регулированию. Думаю, что во многих моих работах есть общие темы, в частности роль экономической силы в мировой политике. Эта тема проходила красной нитью через мою диссертацию по санкционной проблематике, а также через книги «Любая политика глобальна» и «Система сработала» (*The System Worked*). Но не через «Индустрию

идей» (*The Ideas Industry*) – эта книга была посвящена другим вопросам.

Будучи генералистом, я не могу обходиться без опоры на специалистов. Искренне восхищаюсь теми людьми, которые настолько увлечены той или иной темой, что сосредоточивают своё внимание только на ней. Я сам не предрасположен к такому образу научной деятельности. В процессе написания книги мне нравится приходиться к какому-нибудь вопросу, на который у меня буквально нет никакого ответа. Если я читаю литературу по нему и также не могу найти в ней ответа, тогда принимаю решение, что эта тема достойна внимания (что, безусловно, несколько высокомерно).

С другой стороны, как только я высказался по тому или иному вопросу, более не переживаю за его дальнейшее развитие. Если моё мнение окажется неверным, меня это вполне устроит. Политология – непростая наука, мир меняется, и заявления, которые звучат корректно на момент своего выхода, будут устаревшими через пять лет. Мне кажется, я точно не хотел бы писать об одном и том же. Я видел исследователей, которые по существу пишут одну и ту же работу каждые пять лет, и не хотел бы заниматься подобным. Мир намного интереснее.

И.И.: *Вы уже частично ответили на этот вопрос, но не могли бы Вы подробнее рассказать о том, как выбираете темы для исследований?*

Д.Д.: Это зависит от конкретного случая. В случае с санкциями выбор был продиктован тем, что я интересовался экономической силой и задался вопросом, как её можно оценить. Наиболее очевидный ответ был связан с санкциями. Когда я работал над диссертацией, то был обеспокоен тем, не написал ли по этой теме до меня кто-то что-то получше. В то время я читал литературу по санкционной проблематике (кажется, это было 24 года назад) и приходил к выводу, что меня не устраивают те ответы, которые на тот момент выдвигались. Это и привело меня к написанию работы о санкциях.

Вдохновение для написания книги «Любая политика глобальна» пришло после того, как я провёл год в Министерстве финансов Соединённых Штатов. У Совета по международным делам США есть стипендиальная программа, по которой исследователи могут год работать в государственных органах. Правительству нравится эта программа, поскольку зарплату в течение этого времени специалисту платит частный аналитический центр. Таким образом, его работа обходится государству бесплатно. Моё участие в программе было связано с финансовым регулированием, и мне было чрезвычайно интересно наблюдать за всем происходящим. Я изучал эту проблематику, но никогда не был свидетелем того, насколько мощное давление правительство США может оказывать на другие страны – это и побудило меня к подготовке публикации.

Что касается книги «Система сработала», то я бы не написал её, если бы не стал преподавать в Школе права и дипломатии имени Флетчера при Университете Тафтса. Школа Флетчера – это практико-ориентированная политологическая школа. И одной из тех вещей, которые заинтересовали меня после 2008 года, был тот общий консенсус, который возник в Вашингтоне, что реакция на мировой финансовый кризис 2008 г. была отвратительной, а глобальное управление не сработало. Дело в том, что консенсус среди моих коллег состоял в том, что глобальное управление сработало довольно неплохо, и я не мог объяснить это несоответствие.

В некотором смысле теперь я пишу исследования по тем вопросам, в которых общее мнение руководящих кругов диаметрально противоположно представлениям специалистов-теоретиков. Я нахожу это любопытным, так как и политическое руководство, и учёные – довольно смыслённые, неглупые люди. Мне интересно, почему они приходят к столь разным выводам.

И.И.: *Вы уже начали рассказывать о своих исследованиях, посвящённых санкциям. В настоящее время эта тематика ожидаемо*

вызывает отклик в России, однако я бы не сказал, что по ней в стране ведётся широкая полемика. Преобладающее мнение похоже на представления, которые были распространены в США в годы президентства Дж. Буша-мл. — санкции не работают. Вы придерживаетесь иного мнения по данному вопросу. Как Вы считаете, используются ли санкции эффективно в современной международной политике?

Д.Д.: Действительно, когда я начал писать свою работу о санкциях, в Соединённых Штатах общепринятым было мнение о том, что они не работают, а носят лишь символический характер. Я же приводил аргументы в пользу того, что иногда они позволяют достигнуть результата, но мы этого не замечаем, так как в наиболее известных случаях (как, например, эмбарго в отношении Кубы или ограничения ООН против Ирака до 2003 года) применение санкций заканчивалось провалом. Вы правы в том, что за последнее десятилетие в Вашингтоне сформировался подлинный энтузиазм в отношении санкций. Преимущественно на это повлияла эволюция государственного управления в сфере финансов.

Если раньше по сравнению с политическим руководством США я придерживался относительно оптимистичного подхода к санкциям, то сейчас мне кажется, что Вашингтон преувеличивает возможности этого инструментария. Я бы согласился с российской точкой зрения о том, что санкции против Москвы не работают в том смысле, что Россия не станет отказываться от Крыма. Возможно, она захочет уйти из Донбасса, но не намерена делать этого из-за введённых ограничений. Россия может пойти на такой шаг в силу того, что к настоящему времени конфликт на Украине принял затяжной характер.

В мире не существует таких санкций, которые заставили бы великую державу отказаться от своей территории. Таким образом, оценивать эффективность санкций с помощью настолько высокой планки нелепо. С другой стороны, я считаю, что экономические ограничения сыграли очень

важную роль в том, что Иран согласился на подписание Совместного всеобъемлющего плана действий. На этом примере можно рассматривать эффективность санкций, поскольку именно их отмена была основным предметом беспокойства для Тегерана. Он показывает, что в настоящее время санкции стали более мощным средством, чем прежде.

Интересен вопрос о том, будет ли эта ситуация сохраняться в будущем? Я обеспокоен тем, что политическое руководство США чрезмерно очаровано потенциалом санкций. Глядя на недавние успехи в их применении, Вашингтон считает, что они будут работать всегда. Мне же всё больше кажется, что санкции в будущем не будут столь эффективным инструментом. Ограничения, введённые за последнее десятилетие, во многих случаях застали страны врасплох. Например, Иран находился под санкциями с 1979 года. Когда в 2010 г. ООН объявила о новых ограничениях, настроение в Тегеране сводилось к тому, что они ничего не изменят. Иранцы были потрясены, когда новые меры, вступив в силу, всё-таки оказали воздействие на экономику страны. В частности, на международном рынке Ллойд перестали осуществлять операции по страхованию иранских танкеров.

В то же время теперь страны тяжело застыть врасплох. В настоящий момент каждое государство осознаёт потенциал санкций. Это означает, что угроза введения ограничений может сдерживать те или иные страны от действий, которые они в противном случае могли бы рассматривать в качестве приемлемых. Если же государства тем не менее предпринимают какие-либо шаги, вероятно, они осознают, что они могут вылиться с точки зрения санкций, и готовы платить за свою политику.

Второй аспект, который беспокоит меня гораздо больше и который актуализировался в контексте решения Д. Трампа о выходе из соглашения по иранской ядерной программе, — это то, продолжат ли другие игроки соблюдать финансовые санкции США. Будут ли они избегать сотрудниче-

ства с государствами, против которых Соединённые Штаты ввели ограничения? Речь, в частности, идёт о том, как поведёт себя Европейский Союз. Очевидно, администрация Д. Трампа предполагает, что она может угрожать европейским банкам и государствам введением против них вторичных санкций за нарушение санкционного режима в отношении Ирана. Эта стратегия может сработать, но не думаю, что её можно назвать устойчивой.

Если Брюссель когда-либо примет решение о том, чтобы предпринять ответные шаги в связи с действиями США, или о том, чтобы попытаться создать альтернативную платёжную систему, определённо найдутся страны (в частности, Россия и Китай), которые с удовольствием присоединятся к ЕС с целью подорвать роль доллара на финансовых рынках. В этом контексте я крайне обеспокоен тем, как США в настоящий момент применяют санкции.

Монтескьё однажды сказал: «Бесполезные законы лишают силы законы необходимые». По аналогии я бы сказал, что бесполезные санкции лишают силы санкции необходимые. Мне представляется, что выгоды для политического руководства США от проводимой санкционной политики незначительны и они сокращаются, однако я сомневаюсь, что действующая администрация тщательно продумала этот вопрос.

И.И.: *Вы уже упомянули названия некоторых своих работ. Вы известны как специалист, который рассматривает неожиданные вопросы и даёт книгам нестандартные названия. Самый известный пример — «Теория международной политики и зомби» (Theory of International Politics and Zombies). Какой, на Ваш взгляд, должна быть роль интеллектуальной провокации в академических кругах, в какой степени научное сообщество готово к подобного рода подходам?*

Д.Д.: Самое лучшее, что есть в жизни штатного профессора, — это такая роскошь, как возможность приводить аргументы против общепринятой точки зрения. Я не поклонник использования троллинга как формы научного исследования —

в большей степени речь идёт о том, что я свободен высказывать любую точку зрения, даже если она расстроит политическое руководство. Я не намерен становиться госсекретарём, решения о своём будущем я принял давным-давно.

В США есть исследователи, стремящиеся работать в государственных органах. В идеальном мире у меня бы тоже было такое желание, однако, выбирая между необходимостью не писать ничего противоречивого, чтобы сохранить шансы работы в правительстве, и возможностью писать о чём угодно, — я предпочёл второй вариант. Это намного интереснее для меня, так как я знаком с экспертами, которые значительно более осмотрительно относятся к своим публикациям, стараюсь сохранить политическую выживаемость. До определённой степени я восхищаюсь ими, однако мне кажется, что их жизнь достойна сожаления.

Хотел бы процитировать Вашего коллегу Дмитрия Стрельцова. На конференции МГИМО и Школы Флетчера, которая состоялась в ноябре прошлого года, он выдвигал идею об «опасном учёном». Мне очень понравился ход его мыслей, а именно идея о том, что, будучи исследователями, мы обладаем таким преимуществом, как возможность говорить вещи, которые в силу ряда причин не могут высказать наши правительства. Полагаю, что, формулируя какую-либо идею, специалист представляет свои доводы и потенциально вносит вклад в существование «рынка идей».

Польза экспертов заключается в том, чтобы информировать общественность и политическое руководство по актуальным вопросам. И мне приятно, когда время от времени я узнаю — что-то из того, о чём я писал, непосредственно повлияло на принимаемые правительством решения. Речь идёт не только о государственных органах, но и в более широком смысле о сфере СМИ. В частности, давным-давно, в 2009 году, я написал статью о том, что опасения по поводу китайских инвестиций в долговые обязательства Соединённых Штатов преувеличены. На тот момент выдвигались предположения, что КНР

каким-то образом сократит вложения в ценные бумаги Казначейства США, что приведёт к финансовой панике, в результате которой Китай получит рычаг давления на Вашингтон. Между тем я опубликовал статью о том, что эти опасения абсурдны и бездоказательны. Впоследствии я общался с несколькими журналистами, которые рассказали, как в следующем году редакторы предлагали им написать о том, насколько серьёзна проблема китайских вложений в госдолг США. В ответ на это журналисты показывали им мой материал, заявляя, что опасения преувеличены и нет необходимости муссировать этот вопрос. И затем эта тематика ушла с повестки дня. Полагаю, что в конечном итоге мои доводы оказались правильными, и это хорошо.

И.И.: *Вы преимущественно упомянули давление, связанное с желанием государства привести позиции учёных в соответствие с точкой зрения правительства, однако в какой степени, на Ваш взгляд, научное сообщество открыто для новых идей? В частности, в США.*

Д.Д.: На этот вопрос можно высказать два соображения. Я считаю, что профессиональные исследователи открыты для провокационных идей. Например, если специалист направляет рецензенту статью о том, что протекционизм — это позитивное явление, и он убедительно доказывает свой тезис данными, то даже эксперт, который не согласен с самим тезисом, не сможет проигнорировать доказательства и признает, что статья хорошая.

Однако в научном сообществе, безусловно, тоже присутствуют предрассудки, и в США, например, большинство исследователей придерживаются значительно более левой политической идеологии по сравнению со среднестатистическими американцами. Я не думаю, что это негативно влияет на качество научной работы, однако это сказывается на постановке вопросов. Иначе говоря, специалисты акцентируют проблемы, не в последнюю очередь основываясь на разделяемой ими политической идеологии. В частности, вопросы, которые

могут воодушевлять консерваторов, не всегда рассматриваются исследователями. Они могут также рассматриваться теми людьми, которые заранее мотивированы на то, чтобы опровергнуть тезисы консерваторов. В этом присутствует предвзятость, и, на мой взгляд, подобная ситуация угрожает доверию к научному сообществу, поскольку его всё больше рассматривают как политически однородную и придерживающуюся левых взглядов группу. Считаю, что качество исследовательской работы остаётся на высоком уровне, проблема заключается лишь в постановке вопросов.

И.И.: *Вы упомянули опыт своего общения с представителями СМИ. Также вы активно участвуете в общественных дискуссиях и регулярно публикуете сообщения в Twitter. Москва — единственное место, из которого Вы не пишете в социальных сетях...*

Д.Д.: Я обнаружил, что в случае с Twitter каждые три или четыре месяца мне необходимо делать перерыв. Я отдыхаю от него неделю, и это идёт моему мозгу на пользу. Подобно долгому сну, это помогает восстановить ментальный баланс.

И.И.: *Вы также ведёте авторскую колонку в Washington Post и связаны с Институтом Брукинса — одним из ведущих واشنطنских аналитических центров. Что мотивирует Вашу деятельность? И считаете ли Вы, что такого рода публичная активность является обязательной социальной функцией исследователей?*

Д.Д.: Пожалуй, я начну со второго вопроса: я ни в коем случае не считаю, что исследователи обязаны поступать одинаковым образом. У них должен быть выбор, причём никто не должен подвергаться наказанию за него. Опасно принуждать учёных к тому, чтобы они пытались писать для широкой аудитории. Мы хорошо знаем специалистов, которым не следует этого делать. Кроме того, это и не является нашей основной задачей, так как она в том, чтобы преподавать и проводить исследования, которые внесут вклад в совокупность имеющихся знаний.

Тем не менее я пишу для широкой аудитории по нескольким причинам. Во-первых, мне никогда не приходило в голову, что этого не надо делать. Я начал заниматься политологией, поскольку интересовался вопросами публичного характера. Если я интересуюсь этой проблематикой, то не хочу ограничиваться исследованиями, которые прочитает только тысяча моих коллег-специалистов. Мне хотелось бы, чтобы с моими результатами были знакомы политическое руководство и общественность. В этой связи я всегда думал о том, чтобы писать для широкой аудитории.

Сейчас мы переживаем то время, когда любой может оспорить экспертные знания, а труд исследователей-генералистов несколько обесценивается, и в нынешних условиях я хотел бы продолжать публичную интеллектуальную деятельность. Я пытаюсь не просто донести до общественности свои мысли, но и честно передать ей идеи других специалистов. Общественное благо, которое, надеюсь, создаю для своей научной дисциплины, заключается в том, что я не только высказываю собственные гипотезы, но и озвучиваю хорошие идеи других, которые могут быть не в состоянии писать для широкой аудитории, опасаясь этого или не обладая склонностью к этому. Кажется, Ф. Хайек называл тех людей, которые доносят до общественности концепции, известные только профессиональным исследователям, «учёными второго порядка», и я рад быть таким человеком.

И.И.: А как Вам удаётся находить время для того, чтобы совмещать различные виды деятельности?

Д.Д.: Думаю, отчасти дело в том, что я настолько долго пишу для широкой аудитории, что как следует освоил этот вид деятельности. На мой взгляд, одно из крупнейших заблуждений исследователей и, в частности, тех специалистов, которые не пишут для широкой аудитории, — предположение о том, что для написания работ разного типа требуется прилагать усилия в одинаковом объёме. Это не так. На под-

готовку статьи для журнала *International Organization* или для журнала *International Security* уходит от шести месяцев до года. Время требуется для того, чтобы провести исследование, написать текст статьи, убедиться в корректности используемого языка и в том, что все исключения и оговорки указаны корректно. Написание же статьи для газеты *Washington Post* или для журнала *Foreign Affairs* попросту отнимает меньше времени. Дело не в том, что в этом случае мысли сформулированы менее ясно, просто это разные стили. Например, в случае с *Washington Post* или *Foreign Affairs* мне не нужно вставлять сноски по всему тексту, добавлять в приложение статистические таблицы.

Эту ситуацию можно рассмотреть со следующего ракурса. Объём стандартной статьи для *International Organization* — 10 000 слов, на её написание уходит 6 месяцев. В случае с *Washington Post* объём статьи составляет около тысячи слов, которые я пишу примерно за час. То есть, если взять 10 таких статей, то по количеству символов они будут соответствовать одной статье для журнала *International Organization*, но на их написание уйдет 10 часов работы, что очень отличается от 6 месяцев, которые потребовалось бы для написания настоящей научной статьи.

И.И.: Вы уже сказали, что Ваша последняя книга «Индустрия идей» (*Ideas Industry*) выделяется на фоне предыдущих работ. В какой степени её появление связано с Вашей публичной интеллектуальной деятельностью?

Д.Д.: В некотором смысле я стал работать над этой книгой, так как, занимаясь публичной деятельностью, осознал перемены, происходящие на «рынке идей». Отчасти её написание было связано с тем, как научное сообщество менялось за то время, что я к нему принадлежу. Как Вы отметили, я связан с Институтом Брукинса. До этого я непродолжительное время работал в корпорации RAND. Кроме того, я выполнял отдельные экспертно-аналитические заказы для Совета по международ-

ным делам. Таким образом, я видел, как меняются экспертные центры. И я всё больше взаимодействовал с представителями управленческого консалтинга и специалистами, ориентированными на получение прибыли. Людьями вроде Иэна Бремера, который руководит аналитическим центром *Eurasia Group*.

На самом деле я захотел опубликовать работу по этому вопросу, поскольку на тот момент не было написано ни одной книги о новом «рынке идей», стремился описать всё происходящее для тех людей, которым ничего об этом не известно. Мне было интересно писать эту книгу, однако в то же время приходилось бороться с размышлениями о том, чем я занимался на протяжении последнего десятилетия и стоило ли оно того. Полагаю, что стоило, однако ситуация меняется таким образом, что людям вроде меня становится сложнее заниматься публичной деятельностью.

И.И.: *Повлияло ли написание этой книги на то, как Вы выстраиваете свою общественную активность? В других случаях Вы пытаетесь предоставить рекомендации политическому руководству, а эта книга в некотором смысле содержит рекомендации учёным.*

Д.Д.: Да, всё верно. Я написал большую часть книги до президентских выборов 2016 года, однако позаботился о том, чтобы у меня была возможность переработать книгу после них. Когда Трамп одержал победу, что стало большой неожиданностью для Соединённых Штатов, я думал, что переработка будет непосильной задачей. Когда начал вносить исправления, то осознал, что это будет очень легко.

Ретроспективно в книге содержался прогноз о том, что Д. Трамп сможет добиться успеха на президентских выборах. Я невнимательно отнёсся к этой части работы, так как воспринимал как должное тот факт, что Д. Трамп потерпит поражение на выборах. С этой точки зрения написание книги было небезынтересным, однако оно также помогло мне поставить точку над нынешним этапом моей карьеры.

Например, следующая книга, которую я хочу написать, будет иметь значительно более академический характер.

Я почувствовал, что, завершив работу над «Индустрией идей», могу вернуться к серьёзной работе по теории международных отношений, а именно к роли силы. Мне кажется целесообразным пересмотреть этот теоретический вопрос, поскольку, на мой взгляд, одна из проблем в нашем исследовательском поле — это несовершенство основных теорий международных отношений. И я хочу выяснить, чем оно обусловлено.

И.И.: *В политическом дискурсе США всё больше можно проследить тенденцию к расколу на два противоположных лагеря. Учитывая занимаемую Вами позицию посредника между научным сообществом и обществом, как, на Ваш взгляд, исследователи воздерживаются от вовлечения в эту поляризацию? Удаётся ли им сохранить беспристрастную позицию «над схваткой»?*

Д.Д.: К сожалению, исследователям не удаётся оставаться в стороне, так как, на мой взгляд, научное сообщество стало мишенью. Сейчас для консерваторов в Соединённых Штатах наступил прекрасный момент, так как республиканцы обладают большинством в Сенате и Палате представителей, а на посту президента находится представитель Республиканской партии. У республиканцев появится возможность производить назначения судей, придерживающихся консервативных взглядов.

Тем не менее они ощущают себя так, будто терпят поражение. Объясняется это тем, что они склонны серьёзнее относиться к вопросам культуры, чем к вопросам политики. Между тем в культурной сфере они опасаются маргинализации в условиях доминирования либерального интеллектуального дискурса, поэтому критикуют те институты, которые, на их взгляд, осуществляют над ними власть: СМИ, научное сообщество и массовую культуру. В развернувшейся критике в адрес научного сообщества, как я уже отмечал раньше, есть некоторый смысл, так как исследователи

придерживаются более левых взглядов, чем широкая общественность США. В прежние времена это не имело такого большого значения. Научное сообщество не исповедовало настолько левые взгляды. Кроме того, раньше люди проявляли больше уважения к экспертным знаниям, а учёные в большей степени пользовались авторитетом.

Выставляя исследователей как оторванных от действительности людей, которые не понимают, как функционирует реальный мир, консерваторы пытаются подорвать их способность участвовать в общественных дискуссиях. На мой взгляд, они добиваются в этом некоторых успехов. С другой стороны, такого рода достижения приведут к неудачам в будущем. В этой связи мне не кажется очевидным, что тактика консерваторов жизнеспособна. Чем больше они ошибаются в каких-либо вопросах, тем меньше их критика в адрес интеллектуалов будет значить.

Кроме того, демографическая ситуация в настоящий момент такова, что типичные консерваторы стареют и их количество сокращается. Консерватизм никуда не исчезнет, в США живёт огромное число консерваторов. Однако я не знаю, сохранится ли в американском обществе настолько серьёзный раскол, который наблюдается сейчас. По крайней мере надеюсь на то, что всё изменится в лучшую сторону.

И.И.: До того как Дональд Трамп одержал победу на выборах, Вы в ряду большой группы экспертов по внешней политике подписали письмо, в котором содержалась критика взглядов будущего президента, а также утверждалось, что его приход к власти обернётся катастрофой для международной стратегии США. Как Вы оцениваете, в какой степени сбился прогноз, сделанный весной 2016 года?

Д.Д.: Я хотел бы подчеркнуть два аспекта. С одной стороны, можно утверждать, что ситуация сложилась лучше, чем она была спрогнозирована в том письме. Что бы ни говорили об администрации

Д. Трампа, следует признать, что война против ИГИЛ¹ ведётся достаточно успешно — это можно считать достижением. Ничего плохого не произошло и со множеством институтов, деятельность которых Д. Трамп намеревался подорвать: НАТО и ОАЭС по-прежнему существуют. Так что, может быть, худшее только предстоит. И тем не менее я по-прежнему придерживаюсь практически всех тех суждений, которые были изложены в письме.

На мой взгляд, проблема Д. Трампа заключается в том, что он уделяет внимание только тем вещам, которые находятся у него прямо под носом. Он не понимает таких невидимых элементов внешней политики, как, например, необходимость уделять внимание союзникам, а не оскорблять их или проявлять к ним неуважение. Ещё одним таким ненаблюдаемым элементом является ценность участия в международных соглашениях, даже в тех, которые тебе не нравятся, ради того, чтобы сохранить репутацию человека, выполняющего свои обязательства.

Я хотел бы выдвинуть следующую аналогию: в некотором смысле Д. Трампу в наследство достался хаос, и он напоминает человека, который экономит на страховке от пожара или наводнения, мотивируя это тем, что ни того, ни другого не происходит. В краткосрочной перспективе это может сработать. Однако он экономит деньги ровно до того момента, пока не начнётся пожар или наводнение. С точки зрения долгосрочной траектории внешней политики США я настроен крайне пессимистично. С того момента, как Д. Трамп был избран президентом, резко снизилось все показатели «мягкой силы» Соединённых Штатов. Его избрание катастрофически сказалось на Государственном департаменте: 60% высокопоставленных американских дипломатов, которые находились на дипломатической службе ещё в январе 2017 года, к настоящему моменту подали в отставку.

Я не понимаю, как выход из соглашения по иранской ядерной программе или из

¹ Запрещённая в России террористическая организация.

Парижского соглашения по климату может пойти нам на пользу. На мой взгляд, выход из Транстихоокеанского партнёрства также не принёс тех результатов, которых хотел достичь Д. Трамп.

Таким образом, катастрофа не произошла в одночасье, Д. Трамп не принял решений, которые имели бы бедственные последствия, как, например, решение о вводе войск в Ирак. С другой стороны, большинство действий, которые он предпринял на сегодняшний день, преимущественно работают на усиление хаоса. Я обеспокоен тем, что, когда начнётся настоящий кризис, у США не будет тех ресурсов, которыми бы мы обладали при ином исходе президентских выборов 2016 года.

И.И.: И, вероятно, последний вопрос. Наша сегодняшняя встреча в Москве – результат Вашего приезда в рамках конференции МГИМО и Школы Флетчера по российско-американским отношениям. Вы в известном смысле возвращаетесь к этой проблематике, которой не занимались на протяжении многих лет. Что Вы думаете по поводу текущего состояния исследований российско-американских отношений и каково Вам вновь заниматься этими вопросами?

Д.Д.: Забавно возвращаться к этой тематике. Немалая часть моей книги о санкциях была посвящена роли России и тому, как экономическое принуждение использовал бывший СССР. Вместе с тем впоследствии я не изучал Россию и российско-американские отношения. Меня увлекает возможность вновь обратиться к этому предмету исследований, так как в США дискуссия по нему представляется не очень глубокой. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что вопросы, касающиеся вмешательства России в выборы, делают её политизированной.

Как я уже отмечал в ходе конференции в МГИМО, в Соединённых Штатах на теле-

видении выступает множество людей, совершенно не понимающих, о чём они говорят, когда они выступают по России. К сожалению, по завершении «холодной войны» в США сформировалась группа исследователей, которые при ином стечении обстоятельств занялись бы исследованием России, однако предпочли этого не делать, поскольку прекратилось финансирование и эта тема не воспринималась как перспективная и привлекательная.

Тем не менее Вы уже видели таких людей, как, например, мой коллега Кристофер Миллер – представитель более молодого поколения специалистов, интересующихся Россией и российско-американскими отношениями. В этой связи я настроен оптимистично. Я считаю, что это интересная сфера для исследований. Кроме того, меня поражает степень взаимного непонимания. Мне кажется, это проявилось и на конференции, и в ходе моих встреч в Москве, в рамках которых россияне очень часто высказывают предположение, что у администрации Д. Трампа есть некая последовательная глобальная стратегия. Я же как американец не считаю, что таковая существует.

С другой стороны, в США аналогично воспринимают внешнюю политику России. На мой взгляд, они часто рассуждают о В.В. Путине как о некоем гении стратегических расчётов. Россияне поддерживают своего президента, однако мне кажется, что лица, занимающиеся внешней политикой, прекрасно осознают ошибки, которые были им допущены. Таким образом, мне очень интересно наблюдать за существующим взаимным непониманием, и, как мне кажется, признавая его, мы можем достичь прогресса в наших отношениях.

И.И.: Спасибо за Ваши ответы и за то, что Вы смогли уделить время нашим читателям!